

Снова солнце взошло—солнце радости

СВОБОДНЫЕ, НА СВОБОДНОЙ ЗЕМЛЕ, УВЕРЕННО ШАГАЮТ
КОЛХОЗНИКИ „КРАСНОГО СНОПА“ К ЗАЖИТОЧНОЙ ЖИЗНИ

Возвращенное счастье

— Нет, не то. Сухо.

Ефросинья Алтунина, председатель сельсовета, вновь перечитывает и откладывает в сторону написанный лист. Это—проект колхозного письма-рапорта Сталину. Его читали, обсуждали, дополняли, переписывали не раз. И все таки не то...

Уже больше недели в конторе правления колхоза, в сельсовете, в хатах колхозников составляется, вынашивается, разлеивается каждая мысль, каждая фраза письма. Многие хотят сказать в нем колхозники—и сказать хотят особенными словами.

— Ведь это же великое счастье человека—написать письмо самому товарищу Сталину,—горячо говорит колхозница Мария Михеевна Чальцева.—Всю душу надо вложить в письмо.

Много надо сказать колхозникам...

Холодный осенний ветер носится по улицам села, выхрип дорожную пыль, шуршит ворохами соломой, наваленной кое-где у хат для ремонта крыш.

Улицы охорашиваются. Хозяйки подмазывают, белят хаты, сажают под окнами молодые американские клены из колхозного питомника. На окраине стучат топоры: плотники строят кому-то новый дом.

Колхоз готовится к Октябрьскому празднику. Нынче это будет в селе праздник из праздников, самый светлый и радостный.

Знало село немало светлых дней. Далеко гремела слава о полновесных урожаях, богатых фермах, о достатке, о людях колхоза «Красный сноп». В предвоенном году на-круг сняли по 18 центнеров зерновых—и считали, что мало. Ефремовское звание Михаила Алтунина собрало с двух гектаров по 250 пудов ячменя—и говорил о еще больших урожаях, которые получают другие ефремовцы области. Планировали снять два урожая в год: по ржищу посеять гречиху. Перед людьми раскрывались новые радужные горизонты. Уже был составлен трехлетний план всестороннего развития колхоза.

И вот...

Дул ли такой же, как теперь, леденящий ветер или сиял весенний день—одинаково безлюдны были улицы села. Нередко пройдет кто быстро-быстро—и свернет в хату.

Колхозники говорят об этих днях:

—Солнца не видели—боялись глаза поднять. Шли и земля под ногами не чували—скорей в хату. А и в хате—не дома.

Над селом, над людьми тяжело навис мрак неволи. Пылали колхозные хаты, свистела плеть. Один как другой—долгие, страшные, беспросветные—тянулись часы и дни. В селе стоял лютый враг.

Люди никогда не забудут этих дней,—люди, привыкшие к свету, к воле, люди, которым ярко светило солнце счастья...

Но потому, что люди были такими, потому, что та-

кая—они знали—вся их страна, упорно верили, ждали. И—дождались.

И вновь тогда распрямилась, поднялась колхозная сила.

—Ухватились за работу цепко, навалились всем миром—и одолели.

Одололи—женщины, старики, дети, без машин, даже без лошадей,—такова радость освобождения, сила колхозного строя.

И вот идет Октябрь, светлый и радостный. Праздник освобожденного труда. Праздник приближающейся победы. И уже праздник наступающей зажиточности: колхоз в этом первом году уже запланировал выдать на трудодень 4 килограмма зерна.

Вот обо всем этом хотят сказать в своем письме колхозники, сказать от всего сердца, словами безграничной любви и благодарности тому, кому они всем этим обязаны—великому Сталину.

Горячо обсуждается—о чем в письме нужно сказать обязательно и что в нем будет лишним. Обязательно—о вновь построенных хатах, о том, что в поле остались лишь «хвосты» от работ—законопать, заровнять ненужные теперь окопы, что радуют взор колхозные зеленые и их уже проползли, что на 40 гектаров перевыполнен довоенный план вспашки зяби, что возрождается колхозное животноводство, что эвакуировавшийся колхозный скот Михаил Алтунин сберет документы и теперь колхоз с нетерпением ждет возвращения своих 37 коров и 300 овец. А вот надо ли писать, что в колхозном саду идет посадка мичуринских сортов яблонь и вишен и будет сад весь окружен полосой американского клена, что сажают яблони и клен на своих участках многие колхозники?

Идут страстные дебаты—кто достоин подписать письмо товарищу Сталину. Наметили было поручить это лучшим передовикам, человекам двадцати. Но тогда возникли споры—почему есть в списке тот, а нет этого. Решили, что подпишут все добросовестно работающие колхозники—и тогда с обидой заговорили люди о своем праве, об уважительных причинах, которые помешали им выработать столько же, сколько самые передовые. А «шпака суда да дело», многие, как Анна Чальцева, Анастасия Петрова, Шокорова, рано утром идут к бригадирам и просят дать «полную норму» работы. Так вышло, что остатки сахарной свеклы, на вывозку которых был дан срок два дня, вывезли за день.

Мария Михеевна Чальцева решила написать отдельное письмо, от самой себя. И тогда об этом же—о помощи им в составлении писем заговорили и Татьяна Максимовна Чальцева и Мария Романовна Алтунина и Евдокия Семеновна Дудкина и многие еще лучшие люди колхоза.

Трудом, чувствами, мыслями весь колхоз рапортует вождем о победах, о возвращенном счастье, о готовности к новой борьбе и победам на благо Родины.

Обоянский район.

Ф. ИВИН.

Родному Иосифу Виссарионовичу

Хочу Вам рассказать, как сложилась наша жизнь.

Хорошо, богато и счастливо жила наш колхоз до войны. И была у нас сильная тяга жить и работать еще лучше. С трудом не считались. Перед войной собрала я со своим званием с гектара 793 центнера сахарной свеклы, 27 центнеров проса, по сто пудов и больше яровой пшеницы, ячменя, овса. И была у меня, как и у многих, мечта: побывать в Москве на Всесоюзной выставке, да поглядеть Вас, родной наш товарищ Сталин, и рассказать Вам, как мы живем.

Помешал проклятый немец. Много мы при нем выстрадали, душа изболелась. Полтора года я не раздевалась, не разувалась. Стукнет кто в окошко,—ну, думаю, за мной. Ждала виселицы: муж мой—коммунист, сражался на фронте—и всех нас таких немцы отдельно записали. Бил меня немец вилами по спине, грозил меня расстрелять.

А только не запугал меня враг. Врешь, думаю, всех не убьешь, а придут наши—сполна с тобой рассчитаюсь. Твердо верила, что придут наши. Ждала их, ох как ждала! Прятала партизан. Узнавала, сообщала, что им надо. И они говорили мне: жди, вернутся наши. А я соседкам говорила: ждите, не отчаивайтесь.

И дошла весточка—близко красные. Потом все ближе и ближе. И вот ушли немцы, а пришли наши. Слез тут было—без края! Плачем мы от радости, а бойцы нас успокаивают. Как дорогих гостей встретили мы бойцов.

Сразу начали собирать колхоз, стаскивали плуги, сохи, сбрую, сносили семена. Набрали семян столько,

что и соседним колхозам помогли. Тяжело было работать—все руками, да на коровах. А только не чувствовалась усталость—так хотелось скорей колхоз наладить и опять зажить. И другое то же говорили. А особенно взились все за работу, когда фронт от нас отошел. И так мы справились со всеми работами, как никогда раньше не справлялись.

Хватить бы мне горя, не будь колхоза,—одной с шестерыми детинками. А в колхозе, знала, не пропаду. И теперь у меня одной—под триста трудодней, да еще будет. А на трудодень у нас выдают по 4 килограмма зерна. Хватят у меня хлеба. Ветх огород. Уцелела корова. А теперь завела кур, гусей. И опять мы, колхозники, подумываем, товарищ Сталин, о зажиточной жизни. Только бы разбить поскорее проклятого Гитлера! А живем мы уже и сейчас неплохо. Подрастают дети-помощники—будем богатеть в колхозе и веселеть.

Сохранила я Ваш портрет, Иосиф Виссарионович, сберегла от немцев. В крыше прятала, в землю в железной коробке заделывала. А теперь висит он у меня опять на стене, на почетном месте. Смотрю на него и думаю, и ребятам своим говорю: вот кто нас от смерти спас и опять к хорошей жизни ведет.

Неграмотная я женщина и нет у меня таких хороших слов, чтобы отблагодарить Вас за все, что Вы для нас сделали. Скажу только Вам от себя и от всех наших колхозников, от всего сердца: живите, родной отец Иосиф Виссарионович, долгие-долгие годы на радость нам.

МАРИЯ ЧАЛЬЦЕВА,
колхозница сельхозартели
«Красный Сноп».

ВНОВЬ РАСЦВЕТАЕТ ЖИЗНЬ

◆ На 381 центнер уменьшило государство колхозу «Красный сноп» план сдачи хлеба в фонд Красной Армии. Колхоз полностью рассчитался с государством по своим обязательствам и с излишком засыпал семенной и страховой фонды для посева будущего года. Перевыполнен план озимого сева—посеяли на 50 гектаров больше, чем сеяли перед войной.

◆ 170 семей бойцов Красной Армии, престарелых и др. в колхозе полностью освобождены государством от поставок и платежей.

◆ 30 жилищ колхозников сожгли и разрушили немцы за время своего хозяйничанья в колхозе. Колхоз помог пострадавшим построить 23 новых дома. В Октябрьский праздник войдет в новый дом семья Веры Козьминичны Савлуковой. Еще две семьи колхозник рассчитывает колхоз вселить в праздник в новые дома. Остальные пострадавшие временно размещены в приспособленных постройках колхоза.

◆ 195 центнеров зерна выделил колхоз «Красный сноп» в семенную ссуду колхозам своего и Белгородского районов. 135 центнеров зерна выделено колхозам Бушминского и Каменского сельсоветов и Реутчанскому совхозу Обоянского района. 60 центнеров послано в помощь пострадавшим от немецких захватчиков колхозам Белгородского района.

◆ Восстановлена и работает колхозная мельница с нефтяным двигателем.

◆ Шестеро детей-сирот приютили колхозники «Красного снопа». Колхоз также оказывает сиротам помощь.

◆ Больше 200 посылок с продуктами и другими подарками посылают колхозники «Красного снопа» бойцам Красной Армии к 26-й годовщине Октября. Помимо этого готовят октябрьские подарки бойцам колхоз: булочки, пирожки, картофель, яйца, масло, табак.

Больше 10 тонн картофеля передали колхозники «Красного снопа» госпиталю для находящихся на излечении бойцов.

◆ Колхоз отремонтировал большую ламенную конюшню для лошадей и другого скота. Вновь построена овчарня. Приспособлены птичник, отгорожен двор для птицы. Скот и птица полностью обеспечены кормами.

Помимо законтрактованных и сведенных на ферму телят, колхоз «Красный сноп» закупает 50 телят у колхозников соседних колхозов.

◆ По два с половиной килограмма хлеба выдал колхоз авансом на трудодень колхозникам. Семья Михаил Ивановича Алтунина получила авансом больше тонны зерна.

◆ На 75 тысяч рублей подписались колхозники «Красного снопа» на денежно-вещную потерю. По паску пол остью отчена.

ЧТО МЫ СКАЖЕМ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Одни стены оставили

Узнали немцы, что у меня два сына в Красной Армии, да еще один из них—комсомолец, и не давали мне никакой жизни. Начисто обобрали, одни стены оставили.

Тяжко было. Как-то раз подумала о речке: вот, думаю, мои могилы. Но осталась жить,—вдруг вернутся наши, а меня не будет. И дождалась их, нашей радости, и опять живем мы, вольные и счастливые.

Ефросинья Кривоусова.

Грабители

И шли ко мне немецкие грабители забирать овец у. Я не хотел отдавать, тогда один вытаскил пистолет, грозил застрелять. Так и забрали последнюю овечку.

Пошел я жаловаться ихнему команданту. Бывают же, думаю, и среди немцев люди! А командант выслушал меня и выгнал; пошел,

говорит, вон. И понял я, что глупо сделал,—искал у грабителей правды и защиты.

Как в потемках мы жили. Идет немец—прячешься подальше. Пришли красные бойцы—и опять взошло для нас солнце.

Парфен Новосильцов.

Под палкой

Женщинам было при немцах тяжело, а мужчинам еще горше. Выйдешь на улицу, а первый же немец на тебя: партизан! Старался я не выводить.

Заставляли копать землю лопатами. А над нами надсмотрщиков с палками поставили. Уставешь (годы немолодые), остановишься—бьет. Одна женщина так и умерла под палкой.

Сыннику моего было к стенке поставили: посылали его забирать хлеб, а он не шел. Тут мать закричала, обошлось.

Александр Алтунин.

Живыми зарывали

Живую недалеко от кладбища. И приходилось мне видеть, как немецкие звери там советских людей расстреливали. Приведут с собаками, чтоб не убежал никто. Заставят выкопать ямы. Потом расстрелявают сразу всех—и в яму. Бывало—некоторых только ранят, а все равно—бросают в яму и живых еще землей засыпают. Приходилось мне видеть, как земля шевелилась,—живые в ней еще были. Смотришь—и дрожишь вся.

Видела я, как один мальчуган смелый погибал, лет 12 на вид. Поставили его к яме, а он как кричит:

—Стреляйте, паразиты, не бойсь! Придет на вас победить!

И несет им, ползаем, погибает Красная Армия!

Мария Алтунина.

Выбросили с детьми на улицу

Выгнали меня немцы из хаты с двумя детьми, за то, что муж мой был кандидатом партии. Да еще повесть грозил.

Ушла от них к соседям, приютилась. А теперь свободная работа в колхозе, построила себе хату. Спасибо Красной Армии—спасла нас от извергов.

Анна Трусова.

От непосильного труда

Немцы нас и за людей не считали. У отца ноги ползли от непосильного труда. Мать слегла больная. Девчата кто да глотали, чтобы не угнали их на немецкую каторгу.

Спас нас товарищ Сталин от такой жизни. Мои братья сражаются на фронте, а я здесь не пожалела сил, чтоб отблагодарить Красную Армию.

Слыга Пахомова.